

И.Л. Анастасьева

**ФЕНОМЕН ИГРЫ В ШАР КАК ОПЫТ
МИСТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ДВИЖЕНИЯ ДУШИ К СЕБЕ
(НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена исследованию феномена игровой культуры в творчестве немецкого мыслителя, философа, религиозного деятеля XV в. Николая Кузанского, автора книги «Игра в шар», оказавшей влияние как на представителей немецкой классической философии и литературы (Гете, Фр. Шлегеля), так и на отечественных деятелей культуры (Вл. Соловьева). Стремление кардинала решить теософские задачи с помощью точных наук, фокусируя свое внимание на математических символах, определяют специфический характер игровой семантики в его трудах. Объясняя собеседникам правила игры и ее цель, Николай Кузанский стремится привить им мистическое сверхразумное созерцание, ибо это наивысшая ступень человеческого познания. Повествование в книге сводится к попытке философского постижения реальности, к тому, чтобы с помощью игры научить человеческий ум философскому познанию космоса, жизни, Бога. Игра символизирует собой духовные устремления и познавательные возможности человека, она способствует самоопределению личности, ее нравственному становлению, стимулирует духовный и интеллектуальный рост человека. В беседе со своими условными учениками Николай Кузанский пытается прояснить символические и мистическое значение игры, фактически подведя их к пониманию игры как феномена человеческого бытия. Игра в шар, придуманная философом, в аллегорической форме объясняет тайны мироздания, взаимоотношений между человеком, Богом и бесконечным и проводит параллель между творческим актом человека и действиями высших сил.

Ключевые слова: Николай Кузанский; игровая культура; мистическое сверхразумное созерцание.

Феномену игры отведено важное место в немецкой классической философии. И это не случайно, ибо игровая культура – источник, питающий другие научные сферы: психологию, социологию, рели-

Анастасьева Ирина Леонидовна – кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anastasyevairina@gmail.com).

гноведение, философию – и стимулирующий их развитие. Невзирая на общность человеческих гедонистических потребностей¹, их философское осмысление порождает множественность интерпретационных подходов к одному и тому же предмету, явлению, образу.

Одним из представителей немецкой научной мысли был Николай Кузанский (Николай Кребс, Кузанец, Кузанус) (1401, Куза – 1464, Тоди, Умбрия). Он родился в семье лодочника и виноградаря Хрипфса (Krebs), «изучал в Гейдельберге и Падуе право, математику и философию, потерял в Майнце свой первый процесс, охладел вследствие этого к своей профессии, обратился к богословию и сделался выдающимся проповедником» [Фалькенберг, 2018: 2]. Впоследствии он стал кардиналом Римской католической церкви, математиком, теологом-гуманистом.

Основные темы творчества Николая Кузанского – это размышление о принципах человеческого познания (низшая ступень – чувственное ощущение, затем рассудок, разум и наивысшая степень познания – мистическое сверхразумное созерцание) и об отношении Бога к миру. Научиться понимать высший замысел, с его точки зрения, возможно при помощи точных наук, в частности, математики. В.В. Бибахин, комментируя научный подход философа к теософии, подчеркивает следующее: «В многочисленных проповедях Николая Кузанского разворачиваются философские темы. Решение нравственных проблем он видит в просветлении сознания (т.е. в тренировке познавательных способностей. – *И.А.*). Семь мистических трактатов посвящены квадратуре круга, проблеме бесконечности, уточнению числа π . Геометрия и арифметика иллюстрируют философские понятия: круг – символ бесконечности, 10^3 – символ телесности и т.д.» [Бибахин, 2000–2001]. Мистическое сверхразумное созерцание как наивысшая ступень человеческого познания позволит человеку прозреть бесконечное единство, в котором совпадают противоположности, т.е. познать Бога, полагает Кузанец. Что имеет в виду философ, говоря о единстве противоположностей?

Учение Кузанца характеризуется стремлением описать математику через философию, а философию через математику. Иначе говоря, он дает теологическое обоснование математики. Еще «пифагорейцы, – поясняет П.П. Гайденко, – не просто решали практические прикладные задачи, а пытались объяснить (с помощью математики. – *И.А.*) природу всего сущего» [Гайденко, 1979: 99]. Этот метод познания мира характерен и для кардинала. Отталкиваясь от учения Платона и неоплатоников, Николай Кузанский формулирует соб-

¹ См.: Павловская А.В. Единство в многообразии: типология праздничной и обрядовой культуры народов мира. От неолита до наших дней // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 63–78.

ственное представление о Боге («единое») и о мире («всё»); и, в отличие от предшествующей традиции, он не противопоставляет единое – иному, а заявляет, что «единое есть всё», по сути, провозглашая пантеистический тезис о Боге, разлитом в природе. Раз единое есть всё, значит, оно не имеет противоположности и тождественно бесконечному (Кузанец выстраивает цепочку «человек – Бог – космос»). Бесконечное – максимум, больше чего ничто не может быть, единое – минимум. Но заявляя, что единое тождественно бесконечному, кардинал подводит к выводу о том, что максимум тождествен минимуму. «Николай Кузанский, таким образом, открыл принцип совпадения противоположностей (*coincidentia oppositorum*) – максимума и минимума. Чтобы сделать более наглядным этот принцип, Кузанец обращается к математике, указывая, что при увеличении радиуса круга до бесконечности окружность превращается в бесконечную прямую. У такого максимального круга диаметр становится тождественным окружности, более того – с окружностью совпадает не только диаметр, но и центр, а тем самым точка (минимум) и бесконечная прямая (максимум) представляют собой одно и то же. Аналогично обстоит дело с треугольником: если одна из его сторон бесконечна, то и другие две тоже будут бесконечными. Таким образом доказывается, что бесконечная линия есть и треугольник, и круг, и шар»².

Хотя эти идеи были сформулированы еще в ранних трудах философа, они необходимы для уразумения тех мыслей, которые кардинал высказывает в своем научном труде «Игра в шар». Повествование в книге сводится к попытке философского постижения реальности, к тому, чтобы с помощью игры научить человеческий ум философскому познанию космоса, жизни, Бога. Со сходной ситуацией мы столкнемся в романе Германа Гессе «Игра в бисер», герой которого – Йозеф Кнехт, магистр игры, – так же как и герой книги Николая Кузанского «Игра в шар» – кардинал Николай, – формулирует особую концепцию игры и человека играющего. Немецкому писателю XX в. были известны труды немецкого философа и религиозного деятеля XV в., не случайно поэтому имя Николая Кузанского встречается на страницах романа Гессе.

Что объединяет два этих произведения? Прежде всего понимание того, что игра символизирует собой духовные устремления и интеллектуальные возможности человека. Хотя, казалось бы, какая связь существует между нравственностью и шаром, если говорить о книге Кузанца, и бисером в романе Гессе, из игры с которым во-

² URL: <https://filosofka.ru/emergence/nikolaj-kuzanskij-i-princip-sovpaden/> (дата обращения: 03.04.2020).

обще не представляется возможным извлечь хоть какие-то теологические идеи, так как игра в романе Гессе не имеет описания? На этот вопрос мы попытаемся найти ответ.

Четкость построений и выводов кардинала исходит из его математических расчетов и анализа, ибо математика была той сферой научной деятельности, которой он занимался всерьез. В 1445–1449 гг. Николай Кузанский написал трактаты «О квадратуре круга» и «О соизмерении прямого и кривого», т.е. о спрямлении окружности. Об окружности как о поверхности шара он рассуждает и в книге «Игра в шар». Красота математических умозаключений привлекала и Гессе. С духовной традицией игры, фокусировавшей свое внимание на математических символах, он познакомился в трудах Пифагора, связывавшего интеллектуальное и моральное становление личности в один узел.

Но вернемся к Николаю Кузанскому. Книга «Игра в шар», написанная, вероятно, в 1462–1463 гг., незадолго до смерти философа, состоит из двух частей, представляющих собой диалог кардинала Николая с герцогом Баварским Иоанном (в первой части) и с герцогом Баварским Альбертом (во второй). Оба герцога очень молоды, не старше 20 лет, в то время как кардиналу больше шестидесяти, поэтому его общение с ними напоминает беседу мудрого старца с внемлющими ему учениками. Из первых слов диалога уже ясно, к чему стремится кардинал: он предлагает каждому собеседнику обсудить с ним смысл игры, в которую они только что сыграли. Ее увлекательность, догадывается Иоанн, кроется в ее поучительном символическом значении. Это символическое значение закреплено в ее философии. Прежде всего кардинал обращает внимание собеседников на то, что игра является феноменом *человеческого* бытия: «<...> и шар, и его движение – произведения ума. В самом деле, ни одно неразумное животное не сделает шара и не заставит его двигаться определенным движением к цели. Стало быть, вы видите, это – произведение человека, происходящее от той его способности, которой он превосходит другие живые существа нашего мира» [Кузанский, 2012: 29]. Другими словами, шар как произведение человека, и движение шара, осуществляемое человеком, свидетельствуют о познавательных и интеллектуальных способностях личности. Это высказывание, однако, не следует понимать, как попытку Кузанца принизить животных, не способных играть в сложные игры. Философ не стремится исследовать феноменологию игры с этого ракурса, как и феноменологию игры как таковой. Но все же Кузанец обозначит принципиальную разницу между человеческой игрой и забавами животных: *homo ludens* даже в игре проявляет себя как *homo sapiens*, настаивает кардинал. Способность

человека мыслить проявляется в умении *отбирать* те идеи, которые необходимы ему для формулирования правил игры; это обстоятельство позволяет также отличать одну игру от другой, чужой. Импульсом поступков животных являются их рефлексы, т.е. реакция живого организма на внешние раздражители. Поскольку функциональное поведение представителей животного мира (или хотя бы одного вида) тождественно (они одинаково охотятся, выют гнезда, плетут паутину и т.д.), то и игры животных проходят без участия разума. «Наш (человеческий. – И.А.) царственный и властительный (*imperialis*) дух таким принуждением не скован, – подчеркивает ученый. – Иначе он ничего бы не изобретал, а только следовал импульсу природы» [Кузанский, 2012: 46].

Через пять столетий после Николая Кузанского другой немецкий философ, Ойген Финк, изучая взаимосвязь игры и самопознания, «самопонимания человеком себя», личностной «самоинтерпретации», почти дословно повторит мысли и идеи предшественника. Онтологический характер игры, в его представлении, проявится в том, что в нее способен играть только человек, ибо она предполагает/допускает импровизацию. Поведение животных лишь внешне напоминает игры. Два основных направления игры, которые сформулирует Финк, сводятся к тому, что игра детерминирует сущность и назначение человека, т.е. его «бытийный статус», – и метод человеческого самоопределения в действительности, т.е. «способ понимания бытия человеком» [Финк, 2017].

Николая Кузанского интересует игра в шар – и только. Участники игры должны попасть круглым снарядом в центр малого кольца, вписанного в более широкие расходящиеся круги. Однако этот шар не обладает характерной для него круглой поверхностью, а двумя различающимися сторонами – внешней большей полусферой и внутренней – вогнутой. Разнородность поверхности предмета предполагает, что движение шара, которым управляет игрок, посылая его в цель, не может быть линейным, а значит, путь шара каждый раз будет отличаться от предыдущего. К тому же форму шара можно видоизменять, углубляя либо выпрямляя вжатую поверхность. Кривизна или прямолинейность пути шара будут зависеть от силы, с которой предмет запущен. Сила броска поможет выпрямить движение шара в его начальной фазе; иначе говоря, мощный толчок позволит этому предмету с нарушенной сферичностью поначалу «двигаться против своей природы» прямо и быстро. Однако во время следующего броска шар будет отклоняться от уже пройденного пути. Невозможность заставить шар двигаться каждый раз по одной и той же траектории (а приходится учитывать и тот факт, что движение шара может неожиданно прерваться при условии, что он

упадет на свою вдавленную, вогнутую, «впуклую» поверхность) конституирует наличие *множественности* в природе, так как существует множество траекторий, которые шар может прочертить в своем движении. Кардинал, таким образом, подводит собеседников к философскому умозаключению: игра в шар есть искусство, искусство есть подражание природе, следовательно, изучение произведения искусства будет способствовать познанию природы, а точнее – ее переменчивости, множественности.

При кажущейся простоте и обыденности игра наделена глубоким философским и теологическим смыслом. «Символическое, в терминологии автора, “мистическое” (*mystica sententia*), значение игры в шар и всех ее элементов <...> заключается в том, что они символизируют саму сущность человеческого духа. И поскольку человеческий дух немислим без своего вечного прообраза, то рассуждение, в конце концов, приводит собеседников к Богу. В игре Он символически представлен центром кругов, попасть в который стремится каждый игрок», – пишет М.А. Хорьков, современный исследователь творчества Николая Кузанского [Кузанский, 2012: 7]. Следовательно, философ уподобляет человека играющего человеку духовно совершенствующемуся: на своем пути к нравственному идеалу люди совершают большое число проступков, каются, учатся жить аскетично и т.д. Внутреннему моральному росту сопутствуют терпение, терпеливость, терпимость. Не меньшие по значимости качества: выдержка, упорство, настойчивость, сила духа – нужны человеку, оттачивающему свое мастерство во время игры с шаром, центр которого смещен, ибо его окружность не соблюдена. Таким образом, смиряя себя в игре, человек не только совершенствует свое мастерство игрока, но и воспитывает свою душу.

Как мы выяснили, движение шара хаотично, неповторяемо, каждый раз новое, т.е. движущийся шар неизменно будет прочерчивать новую траекторию. Философ экстраполирует выводы, сделанные из наблюдений за движением шара, на весь божественный мир. Он состоит из непохожих, неповторяющихся вещей. Хорьков пишет: «Игра в шар учит жить в мире неподобия, где в соответствии с установленными неизменными правилами ничто никогда не повторяется. <...> Безнадежный, на первый взгляд, трагизм существования в мире неподобия оборачивается в итоге умудренной глубиной постижения смысла своего собственного пути как пути к общей для всех целей жизни – истинному благу, несомненное существование которого вытекает из самого факта неподобия, выражаемого прежде всего в несовершенстве вещей» [Кузанский, 2012: 8–9]. Как шар не имеет совершенной круглой формы, так и несовершенный человек (тварный) не наделен идеальными чертами и лишен тождества с

другими людьми, он им «неподобен». Истинным совершенством обладает только Бог, который есть «бесконечная сфера, центр коей повсюду, а поверхность – нигде». Шар, с которым играли собеседники и символическое значение которого кардинал объясняет Иоанну в начале беседы, есть видимая фигура, и его форма несовершенна, как любая форма видимого мира; если человек предполагает, что видит абсолютно круглую поверхность, то это лишь свидетельство несовершенства его зрения. Но «округлость, которая уже не может быть округлее» [Кузанский, 2012: 32], невидима.

В этом пассаже философ формулирует концепции, которые, очевидно, предшествовали неевклидовой геометрии Лобачевского и Римана. Кардинал затрагивает вопрос о конечности и бесконечности Бога и мира, и этот вопрос может быть разрешен при помощи игры в шар и геометрии. «Математическая тенденция у Николая Кузанского проявилась – в онтологическом аспекте – в идее совпадения треугольника, круга и сферы и вообще всякой геометрической фигуры с бесконечной прямой при бесконечном удлинении их сторон или диаметра, и наоборот; получающаяся при таком совпадении бесконечная фигура есть “форма” и “образец” любой конкретной геометрической фигуры», – пишет А.Ф. Лосев [Лосев, 2016: 86]. Иначе говоря, Бог – это бесконечный круг (он же бесконечный треугольник, сфера и т.д.) с центром повсюду. Округлость мира копирует абсолютную округлость (т.е. Бога); круг, в который катится шар (или душа), стремящийся к центру-Богу, не имеет ни начала, ни конца, как всякий круг. В связи с этим круг (в игре – мир) является символическим обозначением вечности. Однако мир сам по себе не является вечностью, его условная вечность есть следствие его сопричастности вечно-божественному, которое создало этот мир, утверждает философ; т.е. созданию мира предшествовало наличие вечно существующей вечности: «Вечность, сотворившая мир, есть Бог» [Кузанский, 2012: 37].

Посмотрим, как математические гипотезы Николая Кузанского, воплощаются в его теософско-философской игре в шар: даже если предположить, что шар имеет почти идеальную поверхность (абсолютно идеальной она быть не может, так как принадлежит тварному миру), он в своем движении к центру по прямой линии АВС, где А и С – противоположные точки крайней окружности, а В – центр всех вписанных друг в друга окружностей, не сумеет двигаться прямо, чтобы успокоиться в центре, так как согласно условно называемой для эпохи Кузанца «неевклидовой геометрии» прямые линии оказываются не всегда прямыми, значит, параллельные линии не всегда параллельны, с одной стороны. С другой стороны, бесконечная окружность – символическое обозначение Бога с центром повсюду,

а значит, нигде. Однажды брошенный шар будет стремиться к центру, но, не найдя его, будет двигаться вечно. Пущенный человеком шар получает импульс лишь в начальной фазе движения, затем он катится без человеческого участия. В подобную же систему Николай Кузанский включает Бога, человека и человеческий дух: пока душа «существует в теле, человек движется» [Кузанский, 2012: 39], т.е. живет. Его жизнь начинается в минуту, обозначенную Богом, но продолжается без Его участия, ибо человек свободен в своих действиях. Шар в конечном итоге уподобляется плоти, движение шара – свидетельство и доказательство присутствия в теле души.

Безусловно, что описание движения шара в игре неточно, так как шар рано или поздно остановится. Но происходит это по причине акцидентальной, из-за «привходящей» природы движения шара: он движется не сам по себе, а вследствие броска. Но если бы у шара была совершенная округлость (как у души), то это движение было бы длительным, подобно жизни человека, душа которого стимулирует движение плоти. В этом идеи Кузанца тождественны христианскому учению.

Можно предположить, вследствие каких умозаключений кардинал придает душе сферическую форму, хотя в современную эпоху его взгляды могут показаться несколько наивными. Присутствие жизни в теле проявляется в движении, которое, как было сказано ранее, запускается «самодвижущей», т.е. пребывающей в постоянном изменении, субстанциональной душой (вероятно, следует сразу подчеркнуть, что душа в представлении Николая Кузанского близка интеллекту, ибо он тоже субстанционален). Учитывая, что наибольшим образом к движению предрасположена округлость, философ и определяет форму интеллектуальной души в виде шара. И «<...> разумная душа сама собой движется в рассуждении <...> Душа есть сила, способная изобретать новые науки и искусства; в этом движении изобретения чего-то она тоже движет только сама себя», пишет кардинал [Кузанский, 2012: 42]. Для его построений очевидна прочная связь между наукой, интеллектом – и искусством и нравственностью. Как происходит творческий акт? Невидимый образ, полагает философ, рождается в уме мастера благодаря свободной способности мыслить (свободной эта способность является вследствие той независимости от Бога, которую душа приобретает с рождением человека). Возникновение видимого образа (шара) на основе невидимого образа, складывающегося в воображении мастера, знаменует собой процесс становления «божественного творящего искусства».

И, наконец, еще одна важная для Кузанского мысль, связанная с игрой в шар: человек, играющий должен приблизиться по своим духовным качествам к Христу. Как мы уже сказали ранее, игрок

должен отправить шар внутрь кругов (всего их девять, каждый внутри другого) с тем, чтобы докатиться до центра или наиболее близко к центру, который обозначает «трон царя», т.е. царство Христа. Побеждает тот, кто быстрее всех наберет число 34 – возраст Христа. Сын Божий в своей человеческой ипостаси послал свой шар в центр кругов с тем, чтобы дать пример людям, которые должны стремиться в течение жизни совершенствовать свою душу, убежден кардинал.

Как видим, игра в шар, придуманная философом, математиком Николаем Кузанским в аллегорической форме объясняет тайны мироздания, взаимоотношений между человеком, Богом и бесконечным и проводит параллель между творческим актом человека и действиями высших сил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бибихин В.В.* Н. Кузанский // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2000–2001. URL: http://bibikhin.ru/nikolay_kuzansky (дата обращения: 03.04.2020).
2. *Гайденок П.П.* Обоснование научного знания в философии Платона // Платон и его эпоха. К 2400-летию со дня рождения. М., 1979. С. 98–144.
3. *Гессе Г.* Игра в бисер. М., 1969. URL: <http://lib.ru/GESSE/biser.txt> (дата обращения: 03.04.2020).
4. История диалектики XIV–XVIII веков. М., 1974. С. 35–51. URL: http://istmat.info/files/uploads/37139/dialektika_1974.pdf (дата обращения: 03.04.2020).
5. *Кузанский Н.* Игра в шар. О видении Бога / Предисловие М.А. Хорькова. М., 2012.
6. *Лосев А.Ф.* Николай Кузанский в переводах и комментариях: В 2 т. Т. 1. М., 2016.
7. *Павловская А.В.* Единство в многообразии: типология праздничной и обрядовой культуры народов мира. От неолита до наших дней // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 63–78.
8. *Фалькенберг Р.* История новой философии. От Николая Кузанского до Канта. М., 2018.
9. *Финк Ойген.* Основные феномены человеческого бытия. М., 2017. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=70823&p=1> (дата обращения: 03.04.2020).

Irina L. Anastas'eva

PLAY AS A MYSTICAL PRACTICE OF THE SOUL MOVING TOWARD ITSELF IN THE WRITINGS OF NICHOLAUS CUSANUS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the study of the phenomenon of play culture in the works of the German thinker, philosopher, and religious leader of the 15th century Nicholaus of Cusa, the author of the book “De ludo globi” which influenced both the representatives of the German classical philosophy and literature (Goethe, F. Schlegel) and the Russian cultural figures (Vl. Solovyov). The cardinal’s desire to solve theosophical problems

with the help of exact sciences and his focus on mathematical symbols determines the specific nature of play semantics in his works. In the conversation with his interlocutors in the book Nicholas of Cusa seeks to cultivate the highest stage of human understanding in them, the mystical transintelligent contemplation, by explaining the rules and the purposes of the game. The book is the cardinal's attempt of comprehending reality through philosophy; he uses play to teach the human mind the philosophical understanding of the cosmos, life, and God. Play symbolizes the spiritual aspirations and cognitive abilities of a person, facilitates the search for identity and the moral formation of the personality, and stimulates the spiritual and intellectual growth. In the conversation with his interlocutors Nicholas of Cusa tries to clarify the symbolic and mystical meaning of play bringing them to the understanding of play as a phenomenon of human existence. The bowling game created by the philosopher serves as an allegorical explanation of the secrets of the Universe, the relationships between people, God and the Infinite, and draws a parallel between the creative act of a man and the actions of God.

Key words: Nicholas of Cusa; the play culture; the mystical transintelligent contemplation.

About the author: *Irina L. Anastasyeva* – PhD, Associate Professor, Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anastasyevairina@gmail.com).

REFERENCES

1. Bibihin V.V. 2000–2001. N. Kuzanskiy [N. Kuzanskiy]. *Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4-h tt* Moscow, Mysl'. (In Russ.)
2. Gajdenko P.P. 1979. Obosnovanie nauchnogo znaniya v filosofii Platona [Substantiation of scientific knowledge in the philosophy of Plato]. *Platon i ego epoha. K 2400-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow, pp. 98–144. (In Russ.)
3. German Gesse. 1969. *Igra v biser* [The Glass Bead Game]. Moscow, Hudozhestvennaya literature. URL: <http://lib.ru/GESSE/biser.txt> (accessed: 03.04.2020). (In Russ.)
4. *Istoriya dialektiki XIV–XVIII vekov*. 1974. [The history of dialectics of 14–18 centuries] Moscow, Mysl', pp. 35–51. URL: http://istmat.info/files/uploads/37139/dialektika_1974.pdf (accessed: 03.04.2020). (In Russ.)
5. Nicholas of Cusa. 2012. *Igra v shar. O videnii Boga*. [De ludo globi. De visione Dei]. Predislovie M.A. Hor'kova. Moscow, Akademicheskij Proekt, 161 pp. (In Russ.)
6. Losev A.F. 2016. *Nikolay Kuzanskiy v perevodah i kommentariyah* [Nicholay Kuzanskiy in translations and comments]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Izdatel'skij dom YASK. (In Russ.)
7. Pavlovskaya A.V. 2019. Unity in diversity: a typology of festive and ceremonial culture of the peoples of the world. From the Neolithic to the present day. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 63–78. (In Russ.)
8. Fal'kenberg R. 2018. *Istoriya novoj filosofii. Ot Nikolaya Kuzanskogo do Kanta* [The history of a new philosophy. From Nicholay Kuzanskiy to Kant]. Moscow, Knizhnyj dom "LIBROKOM". (In Russ.)
9. Fink Ojgen. 2017. *Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya* [The basic phenomena of human being]. Moscow, Kanon+ ROOI "Reabilitaciya". URL: <https://www.litmir.me/br/?b=70823&p=1> (accessed: 03.04.2020). (In Russ.)